

Святослав Логинов

Барская пустошь

Святослав Логинов

Барская пустошь

«Автор»

2006

Логинов С. В.

Барская пустошь / С. В. Логинов — «Автор», 2006

© Логинов С. В., 2006

© Автор, 2006

Святослав Логинов

Барская пустошь

Зайка серый,
Куда бегал?
В лес зелёный.
Что там делал?
Лыки драл.
Куда клал?
Под кусток.
Кто украл?
Ларион!
Поди вон!

Напраслину клепал зайка на всех Ларионов скопом, и за эту вину многие зайки расплатились серыми шкурками. Дедушке Лариону куда как за восемьдесят было, а охоты он не бросал и почитай каждую неделю бил зайку, а то и двух. Ноги у старого уже не ходили, так он отправлялся на охоту, прихватив привезённый внуком складной стульчик. Выбирался на задворки, ставил стульчик поудобнее, не надеясь на хлипкую спинку, а так, чтобы прислониться к стене сенного сарая. Там и сидел, бывало, по несколько часов кряду.

В ночи появлялись зайки. Бесшумные тени, неприметные в полумраке, прокрадывались на огороды или в сад, портить яблони. Но от дедушки Лариона не скроешься, у него глаз, что у совы, а в старости ещё и дальнзоркость объявилась. Так, со стульчика не вставая, и бабахнет. Ружьё – грох! Зайка – кувырк! Вот мы и с мясом.

Бабушка выстрел слышит и, кряхтя, поднимается с железной кровати с пружинным матрасом, таким же кряхчущим, как и хозяйка. Добрые люди спят, а ей охотника домой вести, а то он, ноги за ночь отсидевши, поди сам и не доберётся. Сначала зайку подобрать, потом – деда. В одной руке добыча и складной стул, за другую добытчик держится. Идёт, нога за ногу волочит, но ружьё за плечом, ружья бабе доверить никак нельзя.

Случалось дедушке и промазать. Тогда – беда! Только попробуй усмехнись или, пуще того, словцо насмешливое скажи дед вспыхнет, зашумит, а то и кулаком сунуть может. А там ему от волнения сердце прихватит, будет лежать, сосать таблетку «нитросорбит». Нет уж, над чем другим посмеяться можно, а когда охота неудачна, иди да помалкивай.

После охоты складной стульчик возвращался законному владельцу. Внука тоже звали Ларионом, в честь дедушки. Так просто в наше время Лариона не встретишь – имя редкое. По редкому имени и профессия у внука не рядовая – художник. Это Кольки да Лёшки могут быть трактористами, а если выучатся, то простыми инженерами. А редкое имя обязывает, с ним хочешь-не-хочешь, а надо быть на особицу.

И Ларион-младший не подкачал. Одна выставка в Новгородском кремле чего стоит; вся деревня смотрела, как «нашего Ларьку по телеку показывают»... Бывало, что богатые иностранцы Ларионовы картины покупали и увозили к себе за границу. Платили втридорога, а на картине, смешно сказать, пруд в Гачках. Прежде мельница стояла, а теперь только валуны от плотины замшелые и ручей меж ними. Кто ж этого пруда не знает? Меж камней мальчишки от века выюнов ловят голыми руками, в омуте купаются, обмениваясь впечатлениями, какая ледяная на глубине вода. И вот, сыздетства знакомый пруд так поразил заезжего американоса, что тот за картину деньжищ отвалил – весь пруд того не стоит, вместе с мельницей, что на нём когда-то стояла.

Ещё барскую пустошь рисовал. Место всем известное, ничего там нет хорошего. Прежде усадьба была, но её в восемнадцатом порушили, теперь и следа не вдруг найти. Берёзы старые вдоль ручья, саженные в ряд. Кусты сирени, задичавшие, сами собой растут. А усадьбы и фундамент заплыл. Прежде на горушке косили, а теперь бросили, земля пустует. Под берёзами, правда, лисичек тьма бывает, а их заготконтора принимает за хорошие деньги. Так что, кто первый придёт, тому и счастье. А так – место бросовое, не нужное. А Ларион туда как на посиделки повадился, картину сделал, называется: «Туман». Этого тумана в округе – хоть ложкой хлебай, а Лариону, вишь, на Барской пустоши понадобился. На картине тропку видать и берёзы – чуть, а дальше – всё бело, глаз блазнит, а чем – не разберёшь.

Мужики смотрели, хвалили: подходяще нарисовано, только бы ты, Ларик, прояснил маленько, а то уходи не видать. Там уходя за ручьём, а на картине не разглядеть.

Один Вовка Замятин с народом не согласился. Ничего, говорит, прояснять не надо. На Барской пустоши туман сытый, глядеть сквозь него не обязательно, его пронюхивать надоть, так что всё Ларька правильно изобразил.

Скажет тоже, туман на картине пронюхивать!.. Вовка, он такой, и грибы нюхом ищет, нос, что у собаки. Опять же, пропойца, хлеба в доме неделями не бывает, тут и туман сытным покажется.

А ведь прав оказался Вовка! – нацело забеленную картину купил какой-то швед и увёз к себе... будто у него там, в Швеции, своего тумана нету.

С тех пор мужики картины смотрели, а мнения не навязывали; Ларион этому делу в академии учился и лучше знает, что рисовать и как.

Дедов портрет Ларион не продавал, дома на стену повесил, вместо фотографии. И добро бы в пиджак старика нарядил, пиджак костюмный у дедушки почти не надёванный... нет, как по дому ковылял в зайчиковой телогрее, так и на портрет попал. Теперь добрые люди станут думать, что у деда Лариона приличного и надеть нечего.

Свой художник не во всякой деревне есть. Приезжие, бывало, пугались, слыша, как деревенская тётка кричит соседке:

– Валюха! Я на пленэр пошла, коз пасти. Автолавка придёт, так ты мне шумни!

Вообще-то младший Ларион жил в городе, прописка у него была московская и мастерская тоже в Москве. Только взрослому мужику при папе, при маме жить несподручно, а художественные студии бывают в таких скворечниках, куда ни люди нормальные не вселятся, ни офис самый задрипанный не въедет. Может потому Ларион и не измосквичился. Оно давно известно, кто с родных мест, во что бы то ни стало, в столицу перебраться хочет, тот, может, успеха и добьётся, но скурвится очень быстро. Москва на это дело беспощадная, ни талант не спасёт, ни умище, высосет столица приезжего, что паук муху и наполнит пустую шкурку всякой бестолковщиной. Это и называется: измосквичиться.

Вот ведь странное дело, в московской квартире человеку не живётся, а в дедовом доме – пожалуйста! В художественной мансарде, куда шесть этажей взбираться по засраной кошками лестнице, ему не работается. А в пронавоженном хлеву бабкину козу рисовать – в удовольствие. Коза в полутьме едва белеется, одни газа – жёлтые, безумные – на виду. И рога над ними изогнутые; не понять, то ли Мотрина коза, то ли чёрт рогатый. Любит Ларион нарисовать так, чтобы народ с прищуром глядел. А без прищура не сразу и дотумкаешь, что там на картине? Хотя, всё рисовал по правде, натуру не искаживши. Живопись штука мудрёная, к ней тоже талант нужен и обычка.

По весне вновь привадило Лариона ходить с мольбертом на Барскую пустошь, ту самую, где туман сытый. Проталины рисовал, лес в стылой, словно бы стальной дымке. Потом дымка стала зелёной, а среди жухлой, теим летом не выкошенной травы зажглись звёздочки мать-и-мачехи. Картины не получалось: весной хватает времени и сил разве что на этюды, так быстро меняется мир вокруг. Мгновение – и серое прошлогоднее былье скрылось под солнечным ков-

ром одуванчиков, и только двухметровые стебли коровяка упрямо торчат к небу, напоминая, что ещё недавно всё было серо. Чтобы весну написать, нужна юоновская палитра, но не успеешь вжиться в солнечное ликование, как одуванчиковый косогор поседеет, а лес – напротив, сменит чуть заметную зеленцу на прочную листву. Мучайся, грызи от бессилия деревянный конец кисти, лови неуловимое...

За косогором, вроде, голоса слышались. Ларион обернулся. Так и есть, мужики идут: Володька Замятин и Генка Проглот. Проглот – не фамилия, а прозвище, бог весть когда прилипшее. Обычно эти двое с утра картошку старухам содят, под борозду, а после обеда пропивают заработанное, а сегодня, никак, пустой день выпал, вот и пошли в лес за сморчками. Далековато ушли, ну да Вовка длинноногий и лес знает до последнего куста. С ним в паре ходить прибыльно.

– Ишь, он куда забравши!.. – пропел Генка, подходя. Глянул Лариону через плечо, похвалил: – Ничо, подходяще нарисовано, похоже. Почём продавать станешь?

– Сколько дадут, – привычно ответил Ларион.

– Я бы и копейки не дал, – изрёк приговор Генка.

Он ещё раз критически оглядел этюд, недоверчиво покачал головой.

– Одного я не пойму... Чего тебя сюда потянуло? Ближе одуванчиков не нашёл? Лес везде одинаковый, одуванчики одинаковые, – хрена ты сюда болотом три версты ноги топтал?

– Сам ты везде одинаковый, – прервал приятеля Володька. – У то́ва краю только зайца встретить можно, да ещё барсука на росчицах. А тута в ужоже медведица бродит с медвежонком. Есть разница, а?

– Так её ж, медведицы, на картине не видать!

– Это тебе не видать, а мне очень даже. Вона, лес какой сторожкий. Опять же, у деревни луг в стёжках, кто-нить, да прошёл, а тута цвет нетоптанный.

– Это мы сейчас исправим. Спускаться начнём – всё перетопчем.

– Я те перетопчу! Вон туда пошли! – Володька махнул рукой в сторону деревни.

– Ты же говорил, в берёзах у ручья сморчков много бывает.

– Ошибся. А вот на лесопосадках вдоль канавы строчки должны быть. Там доберём.

Глаза у Вовки раскосые, смотрят ласково. Так глядеть умеют только самые непутёвые мужики. Улыбка добрая, а зубы остались через один, чёрные от табака и палёной водки. Когда Вовка в запое бриться забывает, бородёнка растёт клочьями. И какой проезжий татарин подарил новгородскому мужику свою внешность? – этого и прабабушка не ответит. Вовкин бы портрет написать, да только позировать он не станет. Выцыганит на бутылку и пойдёт куролесить.

Ларион улыбнулся благодарно и вернулся к этюду. Приближалось то время, ради которого он приходил сюда.

У весенней быстротечности есть одно дивное исключение: бесконечно длинные, за полночь тянущиеся вечера.

Осеннее предвечерье исполнено тревоги. Солнце ещё порядком высоко, но лучи его напитаны грядущей тьмой. Чтобы такое написать, потребна не юоновская кисть, а Куинджи. Птицы примолкают, и лишь последний кузнечик отчаянно стрекочет. Что уж тут, всё равно пропадать! Солнце торопится упасть, и едва оно сплющивается о горизонт, как землю поспешно заливает чернота. Неважно, что ещё несколько минут край неба будет окрашен тяжёлой закатной кровью, внизу уже ночь, молчаливая, не обещающая ничего, кроме прихода зимы.

Весной всё не так. Даже самая полуночная тьма дрожит недремлющим светом. Ночь поёт, гремит, свищет, стрекочет... всякое дыхание спешит восславить свою любовь. И всё же, хотя никто в округе не спит, кроме разве что глухих человеческих существ, в мире царит ночь. Светло, да не видно; видать, да не разборчиво. Чудится, дразнится, кажется, мстится... Иной раз такое углядишь, что и сам не поймёшь: было – не было; видал или примечталось.

Подрамник с холстом, где «подходяще» изображены нетоптанные одуванчики, давно лежит в стороне, а на мольберте установлен другой, заранее подготовленный холст. Ларион едва ли не на ощупь смешивал краски, стараясь перенести на кусок холста то, чего сам толком не видел. Мерещится, чудится, блазнится, грезится...

Как краской передать непроницаемую прозрачность ночного воздуха? Для ремесленника тут нет вопроса: масло долой, берись за лак, пиши лессировками и всё будет о'кей! Краска на лаке полупрозрачна и даст нужный эффект. Глубина будет настоящая – на полмиллиметра. А если нужно на полвселенной, тогда как? Моне лессировок не признавал.

Домой Ларион шёл утром, наблюдая, как от прикосновения солнечных лучей разжимаются крепкие кулачки одуванчиков, и махонькие земные солнышки глядят на небесного брата.

Бабушка уже встала и обряжалась по хозяйству: запаривала комбикорм поросёнку и курам, козу выгнала побегать в заглухший сад. Дед ещё спал, его вообще последнее время кидало в сон: и днём, бывало, приляжет, да и не один раз. Бабушка не ругалась: чего на старого шуметь – не мешает и ладно. А Лариона встретила воркотнёй: «Опять всю ночь гулял, непутёвый? Иди, там тебе молока оставила на столе, пей, пока тёплое».

Ларион прямо из банки выпил пол-литра парного козьего молока. Потом расставил мольберт и водрузил на него свою ночную работу. Отошёл на шаг, разглядывая, что получилось.

Нет большего испытания для ночного пейзажа, чем выставить его на яркий солнечный свет. В едином мазке соврёшь, и вся картина, которая в полумраке казалась ожившей сказкой, обратится в мазню, вместо тёмного света останутся умбра и сажа, нанесённые неверной рукой.

Ларион долго стоял, глядя на то, что просвечивало сквозь плывущую с картины ночь. Заскрипела дверь, бабушка, управившись с хозяйством, вышла в горницу, встала рядом с внуком, тоже пристроилась смотреть.

– На Барскую пустошь ходил?

Ларион молча кивнул.

– Оно и видно. Похоже нарисовал. Только крыша малость покруче была, на такую, как у тебя зимами снега наваливать станет.

– Я думал, усадьба на холме стояла.

– Скажешь тоже... на юру дом ставить. Туточки она и стояла, в самый раз. Холмом её от гнилого угла прикрывало, а на юру ветром из дома тепло выдует, дров не напасёшься. Так что у тебя всё как надо, токо крыша кручей была.

– Погоди, – опомнился Ларион. – Ты-то откуда знаешь, как там и что? Ты родилась, усадьба уж стореvши была.

– Мама рассказывала, прабабушка Клава. Она в девчонках туда часто бегала. Ольга Юрьевна там жила, добрая барыня. Она у мамы землянику покупала, малину лесную. Однажды попросила цветов нарвать, луговых. Мама-то расстаралась, цвет к цветку сложила плотно. А Ольга Юрьевна ей говорит: «Нет, милая, так только венки плетут». Цветочки все расшебуршила, чтобы каждый по себе красовался, и травок полевых, кукушкиных слёзок добавила. У травы стебельки надо подлиннее, чтобы цветам не мешало, а поверху было.

Ларион кивнул. Он и сам, собирая порой цветы, подбирал их в пёструю гамму и непременно добавлял в букет высокой луговой травы, чтобы овсец или кукушкины слёзки создавали над головками цветов прозрачное дрожащее облако. Сам бы и не припомнил, кто его научил этому... кажется, искони так было. А оказывается, вот откуда идёт семейное искусство составлять букеты.

– И всё-таки, – напомнил Ларион, – что же, тебе прабабка Клава так подробно рассказывала: и крыша какая была, и всё остальное?

– А ты как думал? Ты на картинку-то свою глянь. Вроде как ночь на ей, а всё видать: и крышу разобрать можно, и наличнички. Думаешь ты один такой в роду, умный? Токо ты

кисточками своими рассказываешь, а мама – словами. Но тоже, если присмотреться, всё видеть было.

– Мотря! – донёсся с улицы крик соседки, – гляди, кудой твоя Беляна впёрлась!

Бабушка заполошно кинулась призывать к порядку Беляну, а Ларион ещё долго стоял перед мольбертом, с которого смотрело на него ночное видение. Размышлял об услышанном. Он-то полагал, что ему достался пронзительный дедов взгляд, а выходит, что к дедову взгляду ещё и прабабушкино умение.

Не гордись собой, гордись семьёй. Но помни, кому много дано, с того много и спросится. Вот и думай, куда влечёт предками выпестованный дар, гадай, что сумел увидеть этой ночью? Ещё вчера не было ничего, а сегодня, не страшись яркого солнца, красуется на мольберте полотно, и оттуда сквозь живую весеннюю ночь проступает порушенный едва ли не век назад барский дом, усадьба графов Отрадиных. И даже ночничок в одном из окон вроде бы мерцает. Кому там не спится? – неужели доброй барыне Ольге Юрьевне? И что за дело до былых страстей Лариону Фомину? У него в роду графьев не бывало, всё больше крепостные мужики, да и те не графские были, а чёрт знает чьи. Или это не даёт покою давний урок, преподанный босоногой девчонке: как должно собирать в букет полевые цветы.

* * *

Козе Беляне и в голову рогатую не могло войти, что её диковатая морда в полумраке бабушкиного хлева на аукционе в манеже будет куплена за две с половиной тысячи зелёных. Зелень коза уважала, но совсем иного рода, американские доллары оставляли её равнодушной. А для Лариона успех на аукционе обернулся не только получением приятной суммы, но и крупным заказом, о каком другие художники только мечтать могут. Роспись конференц-зала в пятизвёздочном отеле – это тебе не персональная выставка хоть бы и в областном центре. Это деньги, причём, по-настоящему серьёзные. Точные условия договора являются конфиденциальной информацией, так что незнающий – пусть гадает.

Сама роспись делалась кистью, а не с помощью аэрозольного баллончика, как сейчас многие любят. Стены украшались русскими пейзажами, без лубочных хороводов, безо всяких красных молодцев и добрых девиц. Работал, не халтура, и получилось подходяще, как сказали бы на деревне. Стыдиться нечего. Гордиться, тоже особо нечем. Зато – деньги. Большие.

В деревню Ларион вернулся уже осенью. Отдыхать. А вернее, навёрстывать упущенное за денежной работой. Бродил по окрестностям, вглядывался в пожелтую серость некошенных лугов и праздничные пятна отав, там, где кто-то прошёл с косой, готовя сено непроданной покуда Бурёнке. Ходил на лесосеку, писал раздолбанную лесовозами колею, грязь и древесный лом. С набиркой и этюдником бродил по брусничнику. Капа Фомина, двоюродная тётка, рассказывала: «Ларьку нашего сёдни в лесу повстречала. На пенёчке сидит, карандашиками цветными чиркает, ровно дитя. А ягод в набирке вот стоконько, на два пальца. Я старуха, и то какую корзинищу приволокла, а у него картиночки на уме. Картинки картинками, кто их ещё купит, а ягоду всегда продать можно. Да и самому пригодится, зима длинная, всё подберёт».

Дед тоже был недоволен. На зиму Ларион-младший берёзовых дров купил – две полных коляски, а колоть и окладывать подрядил Вовку с Генкой. Здоровый парень, мог бы и сам, так нет, уселся на чурбачок и стал рисовать, как другие работают. И Мотря тоже хороша, защищает бездельника: ему, мол, руки беречь надо. Работа рук не портит, а бар у нас в роду вовек не бывало. Бары, вона, за Пашиной ухажей жили, да повывелись. Одна пустошь осталась.

На Барскую пустошь Ларион ходил частенько. Осенние дожди налили колеи водой, добираться приходилось в резиновых сапогах. Лесники и егеря, пробившие лесные колеи, теперь тоже въехать в лес не могли. Они оставляли машины по деревням под присмотром старух и,

обратившись в охотников, топали в ухажу своим ходом. Берегись боровая птица и заяц-горюн, грохают в осеннем воздухе меткие выстрелы...

Зайка серый,
Куда бегал?
В лес зелёный.
Что там делал?
Помирал.
Кто стрелял?
Ларион?
Нет, не он.

Дедушка Ларион за гумнами сидит, караулит зайку воровского, что за капустой крадётся. А внучок Ларион – живописец, а не живобеец, от него никому вреда нет. Даже лиса-огнёвка, увидав, чем Ларион занимается, в лес не метнулась. Мышковать бросила, хвост трубой распушила, красуется: давай, рисуй как следует быть.

Призрачная усадьба на Ларионовых картинах больше не появлялась, но что-то он там видел, потому как ходил задумчивый, а однажды собрался и поехал в райцентр, знаменитый на всю Новгородчину мастерами, рубившими бани и колотившими дачные домики.

Местный предприниматель богатого заказчика выслушал, нимало не удивившись. Кто платит, тот и заказывает. Пощёлкал на куркуляторе, назвал сумму – не точную, а порядок величины. Точные суммы в преискуранте на типовые изделия, а тут заказ персональный, на него цены отдельные, с кондачка их не определишь. Вроде бы частности, но от них цена очень зависит. Вот, скажем, лес, из которого строить. Если брать первый попавшийся, то строительство выйдет по восемь тысяч за квадратный метр. А если брать лес просушенный, то дороже. А можно стены из клееного бруса класть, но это окажется дороже чуть не в десять раз. Зато и дому сноса не будет; так что, некоторые заказывают. Но я рекомендую из обычного бруса – самая прогрессивная технология и цена та же, что и у кругляка. Итак, что решаем? Заранее просушенный кругляк... хорошо, записываем. А зачем непременно нужна тесовая крыша? – металлочерепица или, скажем, андулин, практичнее и, в конечном счёте выйдет дешевле. Нет? Хорошо, будет тесовая. Стены тоже тёсом обшивать? Вагонкой наряднее... вы на рисунок-то поглядите, на фотографии... Вот и отлично, значит, вагонкой обошьём. Резьбу: потолки, карнизы, балкон – это уже с мастерами договаривайтесь; работа тонкая художественная... ну, конечно, вы это лучше меня понимаете. Мастеров предоставлю самолучших, такой заказ бывает не часто, а им тоже бытовки колотить скучно. Вот посмотрите, этот узор называется «ромб», а этот – «паутинка». На потолок в большом зале очень рекомендую. Наружные стены в какой цвет красить? Натуральное дерево оставить? Отлично. Но тогда нужна пропитка, чтобы не сгнило всё в первый же год. Мы используем «антижук». Нет, что вы, он не только против короеда, просто мы его так называем, а официальное название: «Антибиозащитный состав КСД». Ещё советую морилку. Дерево всё равно будет темнеть, а так цвет не серый, а поприятнее. Хотите, можно специальным лаком покрыть для наружных работ... что вы, лаки бывают ненавязчивые... впрочем, это дело неспешное, потом попробуете на отдельной дощечке: понравится, так и сделаем... Ох, что ж вы так далеко строиться задумали? Могу местечко порекомендовать замечательное: у самого озера, и бор вокруг сосновый... нет, что вы, я не настаиваю, где скажете, там и построим. По зимнику материалы завезём, чтобы дорогу не портить, а к августу под крышу подведём. Тут, вроде, от Гусева просёлок есть? Ага... и два километра по лугу. Я смотрю, тут на карте ручей обозначен, там, как, проехать можно? Ну, если жигулёнок проходит, то наша развозка тем более пройдёт. Всё-таки, далековато вы решили строиться, зимами придётся сторожа держать, а то вам весь дом разграбят. Напьются

местные пацаны и пойдут бомбить. Я понимаю, что там пять километров, а всё-таки, поберечься не мешает. С электричеством как будете обходиться? Линию за пять вёрст тянуть себе дороже станет. Я советую собственный генератор, на солярке. Вот тут, где службы, поставить. Это конюшня, я так понимаю, в ней гараж будет... это банька, а вот сюда впишем сарайчик бревенчатый, и в нём – генератор. Кабель незаметно проведём, чтобы внешний вид не портил. Кстати, как насчёт водопровода? Здесь у нас родник, насос поставим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.